

УДК 378 (575.2) (04)

ЦЕЛОСТНОСТЬ ТВОРЧЕСТВА КАК РЕЗУЛЬТАТ СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

В.В. Петряев – канд. философ. наук

For pedagogue it is important a creative approach to person and specialist formation in intensive technicalization and society informatization conditions. The main attention is paid to methodological questions of education of creative individual in technical fields.

Зададимся вопросом: чем должен быть озабочен преподаватель не “чисто” гуманитарной дисциплины (“физики”, не “лирики”), стремящийся привить обучающимся так называемые “творческие навыки”? Казалось бы (поначалу, не вдаваясь в частности), передачей новейших сведений о *субстанции объекта*, на который будут воздействовать ученики, и об обучении последним достижениям *техники* его целенаправленной трансформации. Но алгоритмически и по существу, именно о свойствах объекта, требующих, как производное, неких приемов, соответствующих средств и т.п. Такой подход представляется логичным и устоявшимся; но, оказывается, что не все так просто.

Например, Л.А. Зеленев и соавт. доказывают обратное [1], в смысле приоритетов, разумеется. Так, в обучении дизайну двигаться следует не от *субстрата*, а от человека с его неотъемлемыми качествами – от *атрибутивного*; и это несмотря на то, что, кроме дизайна, обслуживающего личный имидж, или дизайна одежды, существует и *технический* дизайн: техническая эстетика и т.п. То же касается других сфер деятельности, ибо все они, прямо или косвенно призваны создавать среду, свойственную человеку, а не отчуждающую его.

Ввиду ограничения публикации, отсутствует возможность произвести обширный и подробный анализ всех аспектов излагаемой темы. Однако, не чувствуя за собой морального права постулировать, приглашаем читателя к совместному (и самостоятельному) размыш-

лению по поводу некоторых существенных, но далеко не во всем самоочевидных моментов.

Как известно, “крайности сходятся” (примем в диалектическом смысле это и все ниже следующее). Таким образом, то, что в обыденном смысле наименее инструментально (скажем, вера) как раз должно бы быть ближе прочего к инструментальности, к средствам – к *технике*, в широком значении?! Но ведь вера среди необозримого множества “нетехнических”, мировоззренческих инструментов является одной из наиболее нематериальных вещей, никакой объективной верификации практически не поддающейся. Не потому ли именно она ближе всего подступает не к собственно *инструментальности*, а к заблуждению? Не зря вера и суеверие, догмат и ересь, и так далее, постоянно соседствуют: так, стоит ли рассуждать о ней в ключе заданной темы? И, вообще, есть ли смысл продолжать саму идею гуманитарного акцента в развитии творчества?

Однако нельзя не заметить, во-первых, наличия неисчислимых заблуждений, курьезов даже в естественных науках и практике. Во-вторых, того, что вера психологически *действительна* – действительно:

➤ в актах классического гипноза: широко известны давние авторства профессора В.Л. Райкова, а также указываемые в [2] небезуспешные опыты по суггестивному развитию творческих способностей;

➤ в нейро-лингвистическом программировании: например, операции рефрейминга (пе-

реформирования установки) основаны на вере в необходимую форму цели и связаны с поиском новых способов удовлетворения намерения; чаще всего это производится посредством “обращения к творческой части человека” [3];

➤ при самовнушении: самодеятельность, в отличие от вынужденной деятельности по шаблону, в [4] определена как “совесть и творчество”. А самодеятельность применительно к педагогике подразумевает самообразование, самовоспитание и самообучение [5], т.е. внутренне мотивированное творческое отношение, разумеется, в пределе; но это тоже реальный выход на педагогику творчества. Кроме того, в данной трактовке ясно прослеживается выход творчества на более широкий спектр гуманитарных ценностей (совесть).

Доктор медицины и психологии, писатель и поэт, композитор, незаурядный импровизатор и исполнитель музыкальных произведений В.Л. Леви в ряде многолетних публикаций небезосновательно утверждает, что именно вера является основой всякого творчества в *искусстве*. Можно перечислять и далее; например, полные уверенности пламенные “зажигательные” ораторы: не творят ли они посредством веры, доверия людей не просто новые идеи (иначе идеология, собственно PR, не были бы столь востребованы), но реальные действия <...когда идеи овладевают массами...>, влекущие объективные, в том числе материальные, перемены? Таким образом, вера (как и все мировоззренческие средства) может стать, при известном мастерстве педагога, субстратно-инструментальна и объективно практична; она (они) не только в некоем значении “духовной практики”, а во всех смыслах есть плодотворная практичность.

Сделаем два замечания к отмеченному выше. Первое: творчество имплицитно подразумевает не бесплодность, а плодотворность. Впрочем, это встречается еще у Платона в рассуждениях об Эроте [5]; кстати, небезынтересна, в философском понимании, и соответствующая трактовка творчества, как *воспитания* [6] (обобщенная метафора педагогики творчества).

Второе: действительно, не только вера, которая формально и традиционно связывается лишь с религией (хотя это не так; убедительно доказано, что вера органично действует

во всех формах мировоззрения [6]), может быть субстратно-инструментальна и объективно практична, но и наука с ее, по форме идеальными, законами (вспоминается знаменитое сугубо материалистическое изречение о том, что наука стала *непосредственной* производительной силой); и традиционализм с его опытом и здравым смыслом; даже мифология, как носитель символа (без которого, конечно, не в форме древних трагедий, немислимо современное естествознание, лишившееся простой и наглядной картины мира); и, наконец, философия – концептуальное мировоззрение, являющееся, как известно, общей методологией всякого теоретического, а следовательно, и практического отношения к миру.

Наряду с этим, вере, “самому иррациональному” из мировоззрений (“верую, ибо абсурдно” – Тертуллиан), прямо или косвенно, но активно открыто все современное мироотношение [6].

В конце концов, вполне ощутимым выражением против утопичности атрибутивных человеку акцентов, даже в тех формах творчества, которые являются непосредственно или в конечном выражении, *субстратными*, представляется всемирно известное гуманистически направленное прогрессивное архитектурное материалотворчество А. Аалто [7].

Впрочем, подобных (насколько последнее слово употребимо для новаторства) примеров довольно много. По сообщению [8], Н.И. Лобачевский не мог указать область практического применения своей геометрии; не имел возможности знать, например, что именно по законам геометрии искривленного пространства будут летать космические корабли, тем более не догадывались об этом его современники, считавшие странным чудачеством занятия ученого “бесполезной” научной теорией.

Обобщим: представляясь (со стороны, но, в известной мере, и для себя) человеком, занимающимся бесплодной *игрой ума* (еще раз вспомним об атрибутивной мере человека), Н.И. Лобачевский оказался в числе наиболее “практичных”, “технических” и востребованных ученых самого прагматичного и технизированного из прошедших времен (когда еще бывало столько проблем, слов и мыслей, связан

ных с “отехничиванием” человека, его расчеловечиванием, как теперь?!).

Несколько иной пример: академик А.Н. Крылов – основоположник современной теории корабля, ученый энциклопедического склада (автор многих изобретений и ряда прекрасно написанных учебных курсов по теории корабля, теоретической механики, дифференциальному и интегральному исчислениям и т.д.; интересующийся различными вопросами математики, физики и астрономии) вспоминал об особенностях работы корабельного инженера-самоучки (ниже мы коснемся связи самообучения и творчества) П.А. Титова [9]. Например, последний не раз предлагал названному автору “считать” какую-либо стрелу или шлюпбалку. По окончании расчета П.А. Титов открывал ящик своего письменного стола, вынимал эскиз и говорил: “<...> твои формулы верные; видишь, я размеры назначил на глаз – сходятся” [9].

Мы не сводим подобные факты только к восхищению редкой “природной сметкой”, отменяющей необходимость науки и собственно педагогики. Сам А.Н. Крылов, далеко не являясь самоучкой, или, тем более, неучем, оценивал изложенное совершенно иначе (по соображениям необходимой в данном случае точности передачи смысла вынуждены прибегнуть к цитате): “Лишь восемнадцать лет спустя, занимая самую высокую должность по кораблестроению, я оценил истинное значение этих слов Титова. Настоящий инженер должен верить своему глазу больше, чем любой формуле; он должен помнить слова натуралиста и философа Гексли: “Математика, подобно жернову, перемалывает то, что под него засыпают, – и вот на эту-то засыпку прежде всего инженер и должен смотреть” [9]. Нет сомнений, и можно доказать (для чего, однако, потребовался бы отдельный разговор), что речь должна идти далеко не только об инженере и математических формулах, но о возвращении любой творческой деятельности на базе интегративного развития атрибутивной базы человека; она есть родовая – не в биологическом или племенном, а в логическом смысле (деление вещей на роды, а подразделения родов – на виды), – мера неотъемлемых качеств человека.

Субстратно-акцентированная педагогика по сравнению с атрибутивно-ориентированной, или социально-ориентированной (если выполнить такое, несколько идеализированное различие) имеет гораздо более выраженную нисходящую тенденцию к комбинаторике, не представляющей высших возможностей человеческого творчества. Кроме того, первая формирует техногенный тип творчества, в том смысле, что он непосредственно не тяготеет к максимальному учету социальных и собственно гуманитарных потребностей и перспектив развития. Вместе с тем нельзя забывать, что субстратное творчество создает важнейший фактор жизнеобеспечения человека – среду его самого. Поэтому гипертрофирование “технической”, в общем смысле, стороны дела, в ущерб пониманию *главной* цели творчества (в чьих интересах последнее и чье оно?) ведет к созданию среды не по мере человека. Выразимся иначе: жизнеобеспечение и жизнь в ее полноценном человеческом смысле – неразрывные, но разные предметы.

Поэтому и педагогика творческой деятельности должна ориентироваться вне зависимости от конкретной учебной дисциплины не только на *субстратное и технику*, но и на *атрибутивное* и развитый мировоззренческий *инструментарий*. Разумеется, например, само по себе литературоведение, вряд ли взрастит полноценного конструктора. Но для понимания этого не стоило бы и задаваться подобными проблемами, они “лежат на поверхности”.

Для серьезной читательской аудитории понятно, что если не спешить со скептическими оценками и попытаться, пусть гипотетически, исходить из сформулированной М.К. Мамардашвили [10] “презумпции ума” того, кого мы слушаем (читаем), то можно увидеть: проблема социальной акцентированности педагогики творчества задана уже одной необходимостью содержательного и упорядочивающего привлечения внимания к двум предметам. Во-первых, к тому, *как*, обучая будущего продуктивного *специалиста* (не только в области точных наук и техники), не потерять творческую *личность*, человека, которого, при всей его полноценной образованности, язык не повернется назвать “образованцем”. И который, именно *таковой*, а не просто узкий специа-

лист, слишком часто для простого совпадения удачно справляется с различными нештатными, неординарными, не описанными в учебниках ситуациями. Во-вторых: как в *результате* специализации, социализации человека рукотворную социальную среду окончательно не сделать ущербной и внечеловеческой.

Литература

1. Зеленов Л.А., Фролов О.П. Дизайн и система управления качеством. – Горький: Горьковский областной совет НТО, 1987. – 48 с.
2. Тремнер Е. Гипнотизм и внушение. – Кишинев: Универсул, 1991. – С. 118–123.
3. Кэмерон-Бэндлер Л. С тех пор они жили счастливо: простая и эффективная психотерапия сексуальных проблем и трудностей во взаимоотношениях. – Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – С. 173.
4. Антропология (Общая теория человека) / Под ред. Л.А. Зеленова – Нижний Новгород: Нижегородск. инж.-строит. ин-т, 1991. – С. 87; 69–81
5. Платон. Пир / Пер. С.К. Апта / Соч.: В 3 т. / Пер. с древнегреч. под общ. ред. А.Ф. Loseva и В.Ф. Асмуса. – Т. 2. – М.: Мысль, 1970. – С. 95–156; 209.
6. Петряев В.В. Интегративная природа инженерной деятельности: Автореф. канд. филос. наук. – Нижний Новгород: НАСУ, 1999. – 30 с.
7. Лихачева Л. Алвар Аалто: архитектура должна вызывать жизнь // Частная архитектура. – 1998. – №4. – С. 72–77.
8. Журавлев А.П. Звук и смысл. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1991. – С. 139.
9. Крылов А.Н. Мои воспоминания. – 8-е стереотип. 7-му изд. – Л.: Судостроение, 1984. – С. 478; 84.
10. Мамардашвили М.К. Введение в философию // Мой опыт нетипичен. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 31–216.